Юрий Танчев

Чтиво для интеллектуалов

Юрий Танчев
Чтиво для интеллектуалов

https://litres.ru/74180158
SelfPub; 2026

Аннотация

В этой философско-публицистической книге содержится безжалостный взгляд на историю человечества. За два тысячелетия люди не стали ни добрее, ни мудрее — они лишь усовершенствовали инструменты разрушения. Технический прогресс оказывается иллюзией: интернет служит травлей, атомная энергия — оружием, а гуманистические идеалы — ширмой для новой жестокости. Книга содержит размышления о повторяемости исторических сценариев, об усталости от информационного шума и о том, что единственная правда, доступная человеку, — это обречённость вечно воевать, чтобы чувствовать себя живым. В этим одновременно горькое разочарование, но и интеллектуальная честность...

Содержание

Глава 1. Прошлое и настоящее – разочарование и уныние 4
Глава 2. Камо грядеши 12
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Юрий Танчев
Чтиво для интеллектуалов

Глава 1. Прошлое и настоящее – разочарование и уныние

Анализ последних двух тысячелетий человеческой цивилизации показывает, что люди не изменились ни на йоту – всё также тратят свои крошечные жизни на то, чтобы всячески навредить друг другу, а то и вовсе уничтожить, стереть с лица Земли. Мы так любим утешать себя иллюзией прогресса, путая технический скачок с глубинным нравственным взрослением. Однако несмотря на цифровые технологии, демократию (далеко не везде, увы) и гуманистические манифесты различных партий и движений, обнаруживается всё та же первобытная суть: стая, готовая растерзать сородича за кусок пищи или право назваться вожаком.

Мы изобрели интернет, но зачастую используем его для травли. Мы научились расщеплять атом, но применили это знание, чтобы испепелить города. Мы провозгласили права человека, но тут же сделали исключения для тех, кто говорит на другом языке или молится иному богу. Прогресс оказался миражом в пустыне, а за его спиной, как неизменная тень,

стоит наша животная жестокость, лишь слегка припорошённая вежливыми манерами.

Я оглядываюсь назад, в толщу минувшей истории, и вижу один и тот же сценарий человеческой трагедии, но с переписанными декорациями и костюмами. Римские легионы, сжигавшие Карфаген, ничем принципиально не отличаются от современных армий, стирающих с карты древние кварталы. Крестовые походы уступают место торговым войнам и информационным атакам, но цель остаётся прежней — сломить волю другого, присвоить его ресурсы, заставить его исчезнуть из повествования.

Да, несомненно, каждое поколение искренне верит, что оно умнее предыдущего, что именно ему удалось добиться мирного сосуществования. И тут же каждое поколение с завидным упорством доказывает обратное. Мы храним в музеях доспехи и мечи, дивясь варварству предков, и в то же время создаём беспилотники, кибер-оружие и системы тотального наблюдения, которые нашим дедам показались бы порождением ада. Мы не стали добрее; мы просто стали изощрённее в способах причинения боли. Если раньше для уничтожения соседа требовался топор или отравленный кинжал, то теперь достаточно одного клика, чтобы обрушить на него экономику, разрушить репутацию или лишить крова над головой.

Меня крайне разочаровывает этот многовековой спектакль — прежде всего своей обескураживающей повторяе-

мостью. Мы воюем за территорию и делим народы по цвету кожи, вероисповеданию и другим, зачастую ничтожным и глупым, признакам. Мы убиваем во имя веры, хотя любой теолог скажет, что Бог един и имя Его — Любовь.

Я не называл бы это невежеством. Скорее это выбор — сознательный отказ от эмпатии, подкреплённый удобными идеологиями. Причём каждая эпоха рождает своих демонов: в одной — расовую теорию, в другой — классовую ненависть, в третьей — культурное превосходство. Но сущность происходящего с нами всегда одна: найти группу людей, на которых можно спроецировать свои страхи, и объявить их недочеловеками.

Дальнейшее мы уже не раз проходили: совесть засыпает, злу развязывают руки — и история катится по привычно-кровавой колее. Уныние и чувство безысходности охватывают здравомыслящих людей от этого отсутствия новизны в злодеяниях. Получается, мы проиграли битву за собственную человечность, даже не начав её по-настоящему.

И что меня вводит в полный ступор — самые страшные преступления нашей эпохи совершаются не безумцами и не маргиналами, а обычными, вполне благонамеренными людьми, которые искренне считают себя борцами за справедливость. Это открытие делает тщетной любую попытку разделить мир на «добрых» и «злых», «жертв» и «палачей». В каждом лагере есть своя правда, и каждая правда агрессивно требует крови.

Что касается современных технологий — они лишь ускорили этот процесс. Теперь отчуждение не требует физической дистанции: мы можем сидеть за одним столом и быть при этом бесконечно далёкими, мы можем любить одних и желать смерти другим с совершенно спокойной душой. Виртуальная реальность позволяет нам смотреть на чужие страдания как на развлечение; мы ставим лайки под постами о войне и смахиваем влево новости о беженцах. Это не чёрствость — это усталость. Усталость от бесконечного потока горя, который мы сами же и генерируем.

Меня удивляет парадокс: казалось бы, мы живём в самую безопасную и сытную эпоху в истории человечества, но наш уровень тревоги и внутреннего отчаяния никогда не был так высок. Мы боимся не столько голода и эпидемий, сколько друг друга. Мы строим стены не только на границах, но и в собственных головах, отгораживаясь от инакомыслия, чужой боли и самой возможности понять.

Вокруг нас стоит такой информационный шум, что мы настолько перегружены новостями, что перестаём различать, где реальная трагедия, а где политическая манипуляция. В этом хаосе исчезает последняя надежда на рациональный диалог. Вместо него — лозунги, вместо аргументов — оскорбления, вместо мира — хрупкое перемирие, готовое рухнуть от одного неудачного слова.

Я смотрю на этот калейдоскоп ненависти, и меня невольно охватывает мысль: а стоило ли вообще человечеству за-

нимать высшую нишу развития? В какой-то мере динозавры, исчезнувшие от метеорита, были умнее — они хотя бы не истребляли друг друга сознательно, с изобретательностью и страстью, достойной лучшего применения.

Меня неизменно умиляет наивный исторический оптимизм эпохи Просвещения. Сегодня он выглядит просто сказкой. Мы не движемся к свету; мы вращаемся по замкнутому кругу, и каждый новый виток кажется нам прогрессом только потому, что мы забыли боль предыдущего. Шрамы заживают, памятники рушатся, учебники переписываются, и вот уже новое поколение с горящими глазами идёт на баррикады, не подозревая, что эти баррикады были возведены сто лет назад точно такими же энтузиастами.

Да, молодость дарит нам иллюзию новизны, но опыт разбивает её вдребезги. Чем дольше живёшь, тем яснее видишь: экономический кризис сменяется войной, война — революцией, революция — диктатурой, диктатура падает, и круг начинается заново. Мы считаем себя венцом творения, но наше поведение не отличается от поведения инфузорий в капле воды, которые пожирают друг друга, когда заканчивается питательная среда. Единственное отличие — масштаб и самоуверенность.

***

Я пытаюсь мысленно пробиться сквозь это уныние и найти хоть какой-то выход. В самом деле, не запрограммированы же мы на саморазрушение, как вирусы в биологической

системе? Учёные говорят нам об инстинкте самосохранения, но мы постоянно действуем вопреки ему, подписывая себе смертный приговор ради сиюминутных амбиций. Психологи указывают на травмы детства, социологи — на давление среды, экономисты — на неравенство. Но все эти объяснения лишь констатируют факт, не предлагая исцеления.

Политические системы лопаются, как мыльные пузыри, пытаясь вместить человеческую агрессию. Религии смягчают нравы, но стоит ослабнуть контролю — и зверь внутри просыпается. Мы подобны наркоману, который знает о вреде дозы, но не может отказаться от кайфа превосходства. Уничтожая другого, мы чувствуем себя могущественными, как будто это единственное, что мы умеем осуществлять без обучения. Созидание требует терпения и таланта, а разрушение — только решимости, которая у нас всегда в избытке.

Я вижу себя — и, полагаю, не одного себя — перед лицом этой непрекращающейся вакханалии жестокости. Что же остаётся? Неужто либо цинично посмеиваться, наблюдая за очередным витком безумия, либо впасть в глухую депрессию, отключив все новостные каналы? Но цинизм — это та же слабость, только замаскированная под мудрость. А депрессия — роскошь, которую не все могут себе позволить, пока планета продолжает вращаться и требуются новые жертвы на алтарь истории.

***

Подводя неутешительный итог, хочу сказать: мы оказа-

лись в ловушке собственного вида — слишком умные, чтобы не осознавать абсурд, и слишком глупые, чтобы остановиться. Наши великие философы, поэты и пророки веками взывали к разуму, но их голоса тонули в рёве военных труб. Наверное, поэтому так тяжело смотреть в будущее: оно предсказуемо. В нём будет больше экранов, больше лекарств, больше удобств — но и больше способов ненавидеть. И мы будем ненавидеть с энтузиазмом новообращённых, изобретая новые слова для старых оскорблений, новые границы для старого разделения, новые бомбы для старых врагов. Завоют сирены по всему миру, предвещая конец человеческой эпохи…

Получается, что единственная правда, которую мы способны вынести, звучит так: человеческая природа неизменна, и попытки её переделать заканчиваются катастрофой. Но если это так, то вся наша цивилизация — лишь красивая аномалия среди космической пустоты, недолгая вспышка, которая, скорее всего, погаснет, уничтожив саму себя. Разумеется, для планеты в этом нет трагедии — есть лишь закономерность. Мы не первая форма жизни, потерпевшая фиаско на пути к гармонии, и не последняя. Но осознание этой закономерности, увы, не утешает, а скорее придавливает к земле грузом тысячелетней бесполезности. Мы искали ответы в звёздах, в священных текстах, в лабораторных пробирках, но он оказался прост и ужасен: смысл — в самом процессе борьбы, а не в её итоге. Мы обречены вечно воевать,

чтобы чувствовать себя живыми, и эта правда — самое горькое разочарование, доступное человеку, дерзнувшему заглянуть вглубь своей истории.

Глава 2. Камо грядеши

Не будем тревожить дух Нерона — ну сжёг Рим, и Бог с ним. В смысле, с Римом, а с Нероном, надо полагать, Сатана. Поговорим в этой главе о самом насущном: что же дальше будет с Родиной и с нами? С Родиной в широком смысле слова — с родной прекрасной планетой Земля. В недалёком будущем, возможно, в запасе будет и Марс — благодаря неугомонному миллиардеру Илону Маску, который так опасается искусственного интеллекта.

Планета, помимо ядерной опасности, уже неимоверно загрязнена отходами нашей бурной деятельности. Жить на грандиозной свалке мусора как-то не очень хочется. Увы, такая перспектива вполне вероятна. Но и это ещё не самое страшное: впереди угрозы апокалиптического характера. Нарастающее глобальное потепление, исчезновение биоразнообразия, океаны, задыхающиеся от пластика, воздух в мегаполисах, который опасно вдыхать даже здоровому человеку… Когда-то мы наивно полагали, что экологические проблемы — удел далёких территорий Африки или Индии, но дым пожаров уже доходит до Сибири и Москвы. Чего стоят пожары 2010 года, когда полыхала почти вся Центральная Россия! Самое страшное — людские жертвы; кроме того, сгорело около 2,5 тысяч домов, полностью или частично были уничтожены 127 населённых пунктов. В отдельных ме-

стах потери оказались колоссальными.

Теперь даже случается, что песок из Сахары оседает на крышах европейских домов, а тающие ледники меняют климат так быстро, что метеорологи разводят руками. Земля больше не прощает нам наших экспериментов. Она дышит тяжело, как загнанная лошадь, и каждый новый год приносит новые аномалии.

И всё же, как это ни парадоксально, находятся «умники», оспаривающие само существование глобального потепления. Есть учёные, которых финансируют нефтяные корпорации, есть политики, которым выгоднее отрицать очевидное, чем терять голоса избирателей. Мы предпочитаем смотреть на температуру за окном, а не на графики спутниковых наблюдений. Верим своим ощущениям, а не статистике. И эта коллективная слепота, это упрямое нежелание видеть факты, пожалуй, даже страшнее, чем само изменение климата. Ведь климат ещё можно замедлить, экономику — перестроить, леса — высадить. Но как перестроить человеческое сознание, которое упёрлось в стену собственного комфорта и не желает замечать, что эта стена скоро рухнет на всех нас? Вопрос риторический. Ответ один: никак. Пока не клюнет жареный петух — не шевельнёмся. Так было всегда, так будет и теперь. Разве что в последний момент, когда вода уже будет заливать прибрежные города, а урожаи погибнут от засухи, мы начнём судорожно искать решение. Но будет ли оно найдено — большой вопрос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.